

Elements of Heroic Discourse in the Texts of the Press Services of Law Enforcement Agencies

The article analyzes elements of heroic discourse in the Russian MVD press service texts using critical discourse analysis, narrative analysis, and semiotics. Heroic discourse is defined as a set of linguistic and narrative techniques that construct the image of a police officer as a hero. The study finds that MVD press releases actively employ positively evaluative vocabulary (epithets such as «courageous», «selfless», etc.), dramatic narratives of heroic deeds, and quotations of praise and awards to heroize the police image. Concrete official statements about police exploits are examined with identification of heroic language devices. It is shown that heroic discourse serves to shape a positive image of the police, legitimize its authority, and foster public trust.

Key words: heroic discourse, MVD press service, police image, critical discourse analysis, narrative, heroization, rhetorical devices, official communication.

УДК 811.161.1'373

Е. В. Купчик¹

Метафорические модели с субъектной зоной БОЛЬ в русских поэтических текстах

В статье рассматриваются реализации метафорических моделей, объективирующие концепт *боль*. Материалом для исследования служат представленные в словарях фрагменты из русских художественных текстов XVIII–XX вв., в которых выявляются образные соответствия боли: существо, орудие, свет, огонь, жидкость и др. Метафорические модели отражают разнообразные характеристики боли – как физической, так и душевной.

Ключевые слова: боль, метафорическая модель, образное сопоставление, русская литература, поэтический текст.

Концепт *боль* представляет собой один из базовых эмотивных концептов, языковую универсалию, поскольку боль является спутником человеческой жизни от рождения до смерти. Переживание боли, не зависящее от принадлежности человека к той или иной национальности, полу, возрасту, социальному положению, уровню образования, языковой общности и т.д., обуславливает универсальный характер концепта, важного как для отдельного человека, так и в целом для человеческого общества. Сложность, многоаспектность феномена боли делает ее важным объектом рассмотрения представителями разных наук – медицины, психологии, культурологии, лингвистики; будучи экзистенциальным понятием, она привлекает к себе пристальное внимание философов. Боль представляет собой переживание и телесное, и аффективное, и индивидуальное, и социальное, может быть скрытой, символизированной и т.д. – о чем пишет, например, Г. Р. Хайдарова в монографии «Феномен боли в культуре», в которой рассматривается эволюция трактовки данного понятия в европейской культуре, анализируются виды восприятия боли и делается вывод, что боль является не физиологическим, а культурным феноменом, что отличает ее от болезни и смерти [12].

Боль не представляет собой исключительно телесное ощущение (или комплекс ощущений), обусловленное разного рода повреждениями организма; физический дискомфорт, как правило, сопровождается эмоциональным переживанием, что дает ученым возможность причислять боль к эмоциональным концептам [2, с. 42]. Лексико-

¹ Купчик Елена Викторовна, профессор Тюменского государственного университета д.ф.н., доц. (г. Тюмень, Россия); e-mail: elwika@list.ru

семантическое поле боли исследователи включают в состав более крупного языкового объединения с инвариантным семантическим признаком «негативные эмоции» [6, с. 217]. Будучи универсальным объектом человеческого восприятия, боль – по причине неотделимости ее от испытывающего боль субъекта – является ощущением индивидуальным и интроспективным. Переживаемая отдельным субъектом боль недоступна другим членам общества, поэтому «единственным способом верификации боли является ее вербальное описание» [10, с. 125].

В Словаре русского языка С. И. Ожегова (как и в ряде других лексикографических источников) боль определяется как ощущение (то есть восприятие, являющееся результатом воздействия на органы чувств со стороны объективного мира) страдания [8, с. 39]; страдание, в свою очередь, есть «физическая или нравственная боль, мучение» [8, с. 542]. Понятия боли и страдания, таким образом, являются синонимичными. Словарь живого великорусского языка В. И. Даля дает расширенное толкование боли: помимо телесного страдания, лексикограф упоминает в качестве синонимов боли *болезнь, недуг, хворь, немочь* и др., называет ее виды «по роду или чувству» (*острая, колючая, резучая, грызучая* и т.п.) [5, с. 111]. Отметим, что в словарях разного времени указывается на два вида боли – физическую и душевную. Некоторые исследователи рассматривают *душевную боль* как особый концепт, имеющий определенную структуру и представляющий сложное переживание человека [11]. Отраженное в словаре В. И. Даля представление о душевной боли оказывается достаточно широким: это чувство горя, истомы, а также скорбь, грусть, тоска, кручина и т.д. [5, с. 111]. При несомненной разнице боли физической и душевной оба ее вида не являются жестко разграниченными. Как справедливо отмечает А. В. Варзин, боль «в любом случае принадлежит внутреннему миру человека», поскольку мы можем лишь ощутить, а не увидеть боль, причем исключительно собственную, а о чужой способны лишь догадаться – с разной степенью точности – по внешним симптомам [1, с. 442].

Лексическое представление *боли* в языке в целом и в художественных текстах в частности является не только уникальным, отражающим специфику как той или иной национальной культуры, так и конкретной личности автора, но и имеющим значительный объем, что обусловлено привлечением для создания метафор содержимого разных областей лексики [3, с. 81]. Рассмотрение материалов соответствующих разделов словарей образных средств Н. Н. Ивановой [7] (далее СЯП) и Н. В. Павлович [9] (далее СПО) позволяет выявить ряд метафорических моделей, в субъектную область (сферу цели) которых входят номинации боли, а в объектную (сферу источника) – обозначения разнообразных реалий, принадлежащих окружающему человека миру.

В СПО *боль* включена в название раздела, входящего в разряд «Ментальное», в СЯП – в словарную статью «О страдании». Помимо собственно боли указываются и ее синонимы: *страдание* (физическая или нравственная боль, мучение), *мука* (сильное физическое или нравственное страдание). В обоих словарях в качестве важного субъекта сопоставления упоминается повреждение тканей – рана, что можно объяснить устойчивой причинно-следственной связью ран с вызываемыми ими болезненными ощущениями, что отражено, например, в упоминании авторами разных эпох выражения «боль сердечных ран» (А. Пушкин, В. Озеров, Е. Баратынский, Ф. Сологуб, А. Белый и др.). Кроме того, в качестве субъектов сопоставления присутствуют номинации, обозначающие повреждения отдельных частей организма: *ломота* – болезненное ощущение в костях (СПО), *язва* – рана на коже или слизистой оболочке (СЯП).

Одним из свидетельств важности боли для русской культуры является ее включенность в многочисленные образные соответствия, представляющие собой реализации ряда метафорических моделей (далее ММ), отражающих ассоциации данного ощущения с разнообразными объектами, принадлежащим разным областям мира. Традиционным для русской поэзии является «одушевление» боли, уподобляемой существам разного рода. Реализации ММ *боль – существо* передают разные признаки боли: особенности воздействия на человека, перемещение, а также свойства, приписываемые ей автором.

Боль уподобляется птицам: «Здесь – все года, все боли, все тревоги, / Как птицы черные в полях» (А. Блок); «И боль, что скворчком стучала в виске, / Стихает, стихает» (Б. Окуджава); «Но те живейши раны, / Которые, как враны, / Вгрызаясь в глубь сердец, / В них радость истребляют» (В. Жуковский) и др.

Постоянным в русской литературе является представление боли в образе змеи и червя (в СПО объединены в группу змееобразных существ). В текстах разных авторов неоднократно встречаются генитивные метафоры «змея страданий» и «червь страданий». Традиционным является местопребывание данных существ – чаще всего это грудь, сердце, например: «В груди таился червь страданья» (А. (Григорьев); «А проклятый червяк / В сердце уняться не хочет никак: / Или он старую рану тревожит, / Или он новую гложет» (Я. Полонский); «С змеею в сердце и с клеймом во лбу...» (М. Цветаева). Данные существа обладают способностью *глодать* и *грызть* человека изнутри – как например, в пушкинском «змеи сердечной угрызенья»; в то же время они незаметны для постороннего взгляда, что передается у разных авторов посредством глагола *таиться*.

Агрессивное воздействие боли на человека передается сопоставлением с хищным зверем, терзающим жертву зубами и когтями, например: «И ребра зверь неустающий грыз» (Н. Тихонов). Образы существ, мучающих человека, широко используются авторами при описании как душевной, так и физической боли. Например, ощущения раненого в ногу А. Платонов передает такой метафорой: «Туда впиалась железная птица и шевелилась колкими остями крыльев». Персонаж рассказа Л. Леонова, имеющий больное сердце, не может быстро передвигаться: «...при каждом движении впивалась жаба в сердце, а беспрерывно колющее сосание ее кончалось потерей сознания».

Реализации ММ *боль – человек* несут информацию о разных признаках представителей человеческого рода. Ей могут быть присущи особенности внешнего облика (как это представлено, например, в строках Н. Клюева «Пусть уйдет старуха-боль / В своих дырявых покрывалах»), профессия: «Боль по привычке хирурга / Ампутировала восторги» (В. Шершеневич). Типичным же образом олицетворенной боли является мучитель, вооруженный теми или иными орудиями, предназначенными для причинения жертве страданий.

Реализации ММ *боль – орудие* включают сопоставления боли с разнообразными инструментами, приспособлениями, используемых человеком при осуществлении каких-либо действий, причем вид такого орудия находится в соответствии с характером вызываемых ощущений. Традиционным является представление боли в образе колющего и режущего орудия: игла, булавка, гвоздь, нож, лезвие: «Болью-иглой отзывался каждый ломаный толчок пульса» (Н. Плотников); «игла в мозгу» (О. Мандельштам); «Амбразуру закрывает сердце, / Гибнет от булавки болевой» (А. Вознесенский); «Меня словно ножом полоснуло по сердцу» (К. Паустовский) и др. Значительно распространенными являются сопоставления с оружием – также колющим и режущим: стрелой, мечом, кинжалом, копьем и др. Отметим, что мишенью такого оружия, как и орудия в целом, зачастую является сердце человека. Вторжение такой боли широко представлено

в текстах русских поэтов и прозаиков разных эпох: «Стрела мучения смертельна в сердце» (И. Крылов); «Боль клином впилась в сердце» (В. Набоков); «Колющий осколок застрял... в груди, около сердца». (К. Паустовский); «Острая боль штыком вошла в его сердце» (М. Шолохов); «Он почуял, как в сердце у него закололо шилом» (С. Есенин) и др. Боль уподобляется также гибким орудиям, использующимся для телесных наказаний, например: «О черный бич страданья» (З. Гиппиус); «Боль ... Всех, утомленных игрою, / Хлещет кровавою плетью» (Н. Гумилев).

Воздействие боли на человека уподобляется действию *огня*, посредством образа которого передается ощущение как физического, так и душевного страдания, например: «Трепещет рана – вся в огне» (В. Хлебников); «И там, где рана, колыхалось пламя» (Н. Тихонов); больной зуб «горит нестерпимой и антисладостной болью, резкой, как огонь электросварки» (В. Соснора); «Жжет душу великая боль» (М. Исаковский). Метафора К. Случевского «могилы – след пожара» из стихотворения «Воплощение зла», строки из которого приводятся в СПО, мотивирована представлением о повреждениях тела и вызываемых ими ощущениях как о пламени: «Весь жар открытых ран, все ужасы, вся боль – в могилах гасятся...»

Неоднозначность поэтического восприятия боли иллюстрируется реализациями ММ *боль – свет*. В данном случае мы наблюдаем некоторое отклонение от традиции, согласно которой свет (и сама лучистая энергия, и ее источники – как небесные, так и земные) является аналогом разнообразных объектов материального и нематериального мира, оцениваемых положительно. Как отмечает Т. В. Григорьева, свет как элемент культурно значимой метафорической оппозиции свет – тьма составляет основу интерпретации разнообразных сфер бытия человека: эмоциональной, гносеологической, религиозной, онтологической этической, этической: свет – символ радости, счастья, истины, знания, Бога, рождения, жизни, добра, красоты и т.д.; тьма же во всех данных областях символизирует прямо противоположные понятия [4]. Таким образом, имеются основания включить *боль* в сферу второго члена диады – тьмы – с учетом отнесенности ее к широкому спектру негативных чувств и переживаний, связью со смертью, с нарушением красоты и целостности тела и души человека. Отметим, что в реализациях ММ с субъектной зоной *боль* отражено представление о связи боли с темными силами: она описывается как «ад в сердце» (Е. Баратынский, А. Радищев), «тартар в сердце» (Я. Княжнин), «терзанье демонских когтей» (В. Бенедиктов).

Вместе с тем боль может быть и спутником позитивных эмоций (например, в случаях, когда человек испытывает такие смешанные чувства, как боль и нежность), а также и сама по себе представляться как нечто положительное – например, освещающее путь в сумрачном мире: «И если погаснет свет, зажжет свой светильник боль» (И. Бродский). В стихотворении М. Волошина «Я ждал страданья столько лет...», фрагменты которого приведены в СПО, боль, с одной стороны, представлена приходящей «слишком рано», с другой – долгожданной, привлекательной. Приходя «как тихий синий свет», она дарит герою новые ощущения («Желанный луч с собой принес / Такие жгучие мучительные ласки»), дает сердцу прозрачность стекла, позволяет взглянуть на мир «сквозь влажную лучистость слез» и увидеть его «невиданные краски». Уподобление боли свету, заполняющему пространство, передает масштаб страдания героя стихотворения В. Набокова «На рассвете» от расставания с любимой: «Боль моя лучи свои простерла, в небеса невысохшие шла. / Голое переполнялось горло судорогой битого стекла». Избавление от страданий также может быть передано посредством светового образа: «Тают в душе многолетние боли, точно звезды пролетающий свет» (А. Белый).

Боль получает и некоторые акустические характеристики, передаваемые звуками живых существ, музыкальных инструментов, а также шумами, например: «Унылый голос боли» (В. Кюхельбекер); «Боль, как тихая виолончель» (М. Волошин); «В мозгу, не утихая, тикает боль тяжелой паутиной» (А. Вознесенский). Боли свойственны также звуки, издаваемые живым существом. Это, например, «унылый голос» (В. Кюхельбекер) или жужжанье «басовитых пчел» (Н. Кононов).

Значительным количеством реализаций представлена в русской литературе ММ *боль – нечто тяжелое*. Образные сопоставления данной группы несут информацию о боли как бремени, ноше, грузе, который вынужден нести человек и который оценивается как *тяжелый*. Связь такого груза с угнетением, порабощением человека передается лексемами с соответствующим значением: *иго, ярем, а также вериги*. Содержащиеся в СПО и СЯП фрагменты текстов относятся прежде всего к боли душевной: это «гнет, лежащий на душе» (А. Толстой), «пуды на сердце» (М. Цветаева) и др. Субъектом сопоставления чаще всего оказывается не собственно боль, а муки и страдание: «иго тяжелых мук» (Н. Карамзин), «иго грусти и страдания» (А. Полежаев), «верига мук» (Ф. Глинка), «крест страданий и слез» (С. Надсон) и др.

ММ *боль – вода* передает представление о боли как о жидкости, обладающей подвижностью, глубиной, способностью скрытого перемещения, а также способностью испаряться: «боль... течет неумолимо / Одна на всех, подспудная река» (А. Кушнер); «Жизнь и боль твоя, как влага к облакам, поднимается к наполненным зрачкам» (А. Вознесенский).

В реализациях ММ *боль – воздушное пространство* боль характеризуется как нечто злое, угрожающее человеку: «Нависла боль свинцовой тучей / С каймой кровавою вокруг» (В. Шершеневич); «Боль, как пещера, вырыта в тумане – в газообразном зеркале летейском, толпящемся в преддверии страдания» (И. Жданов); «мгла, душу гнеущая» (Я. Полонский). Некоторые объекты воздушного пространства в образных сопоставлениях используются для передачи недолговечности боли: таковы ее наименования «дымом мимолетным» (В. Соловьев), «облачком муки» (А. Ахматова).

В качестве *вещества*, находящегося в жидком агрегатном состоянии, боль предстает в компаративных тропах, в объектную область которых входят обозначения напитков, приправ, горьких и ядовитых веществ: «В темное вино в ночах превратится боль» (Е. Шварц); «Боль примешивал, как соус, в очарованный роман» (А. Вознесенский); «уксус терпкий» (В. Ходасевич), «желчь мучений» (А. Одоевский). Наиболее традиционным в данной группе является уподобление боли (страданий) яду: соответствующие примеры встречаются в текстах разного времени – А. Пушкина, М. Лермонтова, К. Батюшкова, А. Полежаева, С. Надсона и др.

В образных сопоставлениях разного времени находит отражение ММ *боль – сосуд*: это прежде всего «чаша страдания» (А. Пушкин, А. Апухтин, В. Жуковский, В. Ходасевич и др.), а также иные вместилища – например, «фиал страданий» (А. Фет, А. Плещеев, Ф. Сологуб), «бокал болей неизбывных» (В. Ходасевич). Метафора вместилища принадлежит к числу важнейших онтологических метафор, посредством которых осмысливаются как разнообразные объекты физического мира, так и сам человек.

ММ *боль – растение* представлена главным образом сопоставлениями с колючими растениями и их частями – ветками, колючками. Возвышенный образ тернового венца как символа страданий отличается значительной частотой употребления в старой русской поэзии и нередко используется в более поздние периоды – в текстах А. Блока, М. Цветаевой, В. Ходасевича, А. Ахматовой и др.

При описании воздействия боли на человека в ряде случаев используется сочетание реализаций разных образных представлений. Приведем некоторые примеры: *существо + огонь*: «И там, где рана, колыхалось пламя, / И ребра зверь неустойчивый грыз» (Н. Тихонов); *огонь + орудие*: «Жгучая свечка в груди порою превращалась в ледяной ножичек, сверлящий где-то в легком» (М. Булгаков); больной зуб «горел в больнице, как кинжал, во рту... Шестой справа вверху зажигается кинжал» (В. Соснора); *орудие + существо*: «И только в сердце у него словно летала пчела и резко-резко чувствовалась игольчатая боль» (Вс. Иванов).

Данные образные сопоставления, закрепленные в русской поэтической традиции, встречаются в произведениях авторов разных веков. В рамках соответствующих ММ в литературе XX в. отмечено проявление эволюции тропов: *боль* получает новые образные соответствия, дополняющие и корректирующие традиционные представления. Таковы, например, сопоставления боли с насекомыми, рыбами и некоторыми другими существами, с цветами: «Боли пчелы басовитые, сюда летите, подгребайте, ломоты карасики» (Н. Кононов); «...скворчонком стучала в виске» (Б. Окуджава); «юркнула, как мышь» (Д. Андреев); «Опять и опять / Подсолнух из боли / Цветет у копыт» (В. Хлебников) и др. Переосмысление традиционного негативного представления о боли отражается в представлении о ней как о целителе, скипетре: «Боль по привычке хирурга / Ампутировала восторги» (В. Шершеневич); «Как царский посох в скинии пророков, / У нас цвела торжественная боль» (О. Мандельштам).

Рассмотрение реализаций вышеназванных ММ позволяет сделать вывод о богатстве и разнообразии представлений о боли в русской литературе. Это боль различается по характеру воздействия (сопоставление с действием колющего и режущего орудия, острых зубов, колючек, огня и т.п.) температурным параметрам (от пламени до льда), локализации (от воздействия на определенный орган или часть тела до охвата всего человека – как внешнего, так и внутреннего), масштабам (вплоть до «великой»), интенсивности, степени открытости (от явной до тайной). Боль наделяется и такими характеристиками, как звучание (голос, музыка, шум), свет, цвет – от черноты до «семицветья» (М. Волошин). Весьма разнообразными являются движения, перемещения боли, которая *приходит* и *уходит*, *шевелится*, *обвивается*, *вливается*, *уплывает* и т.д. Боль может проявлять себя и как автономный субъект, существующий и действующий независимо от человека, например: «Больной просыпался. Но раньше, чем он, вставала огромная боль головная, как бурю внутри протрубивший тритон» (О. Седакова); «Он умер. Только боль, себе пристанища не находя, металась по пустой избе» (И. Бродский).

Реализации ММ связывают боль с важнейшими элементами мира – огнем и водой, воздушным пространством, различными объектами живой и неживой природы, светом и звуком, сопоставления с которыми передают объемный комплекс представлений о феномене боли, имеющем отражение в русских художественных текстах старого и нового времени.

Список литературы

1. Варзин А. В. Боль: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф. М. Достоевского // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 436–453.
2. Вохрышева Е. В. Лингвистическое выражение концепта “rain” в английском языке и песенном дискурсе // Проблемы модернизации иноязычного образования в трансформационных условиях: материалы XXVIII междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 25 марта 2023). – Самара: Изд-во Самарского ун-та. 2023. – С. 41–49.
3. Гребнева А. В. Концепт боль в русском, английском и французском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5. – Ч. 1. – С. 81–83.

4. Григорьева Т. В. Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 24 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык; Медиа, 2006. – Т. 1: А – З. – 699 с.
6. Калашникова Ю. А. Пересечение лексико-семантических полей (ЛСП) абстрактных имен негативных эмоций с ЛСП абстрактного имени *боль* // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 3 (50). – С. 217–222.
7. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. – М.: АСТ. 2004. – 666 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс; Мир и образование, 2010. – 640 с.
9. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы: в 2 т. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – Т. 1. – 848 с.
10. Раренко М. Б. Концептуализация боли в языке (на примере английской лингвокультуры) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2015. – № 1(26). – С. 124–132.
11. Сахарова Н. Г. Определение ведущей эмоциональной компоненты понятия «душевная боль» через его концептуализацию в англоязычной музыкальной поэзии / Н. Г. Сахарова, И. В. Бондаренко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 5. Эл. ресурс. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN524.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).
12. Хайдарова Г. Р. Феномен боли в культуре. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. – 317 с.

Elena Kupchik

Metaphorical Models with the Subject zone "Pain" in Russian Poetic Texts (Based on Dictionaries of Images)

The article discusses the implementation of metaphorical models objectifying the concept of *pain*. The material for the study is fragments from Russian literary texts of the XVIII–XX centuries presented in dictionaries, which reveal figurative correspondences of pain: creature, tool, light, fire, liquid, etc. Metaphorical models reflect the diverse characteristics of pain, both physical and mental.

Key words: pain, metaphorical model, figurative correspondence, Russian literature, poetic text.

УДК 811.221.1+811.221.18

Махназ Рахбари¹
University of Tehran

Языковая общность между персидским и осетинским языками

Персидский и осетинский языки имеют интересные особенности, обусловленные их общим происхождением из индоиранской языковой семьи, а также географическим соседством и культурными контактами. Объединяет языки общий предок и наследие, лексическое сходство, фонетика, грамматические структуры.

Ключевые слова: персидский язык, осетинский язык, индоиранская языковая семья, Кавказ.

Языковые общности представляют собой важный аспект изучения культуры, истории и этнологии регионов. Осетинский и персидский языки являются генетически родственными и входят в состав «современных иранских языков» [2, с. 311]. Персидский язык относится к западно-иранским языкам, а осетинский – к современным восточно-иранским, к северо-восточной (скифской) подгруппе [1, с. 44]. Персидский язык имеет явные связи с языками, распространёнными на Кавказе. Исторически Кавказ является местом встреч различных культур и языков. Кавказские языки делятся на три

¹ **Рахбари Махназ**, независимый исследователь, сотрудник Тегеранского университета к.ф.н. (Тегеран, Иран); e-mail: m_rahbary@ut.ac.ir